

К. Б. Клоков¹, С. А. Хрущев¹, А. А. Музалев¹, К. В. Силаева²

ЭТНИЧЕСКОЕ ПОЛЕ В ЭТНОГЕОГРАФИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ: КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ И ОБОСНОВАНИЕ НОВОГО ПОХОДА

¹ Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

² Санкт-Петербургский национальный исследовательский университет инновационных технологий, механики и оптики, Российская Федерация, 197101, Санкт-Петербург, Кронверкский пр., 49

В соответствии со взглядами Л. Н. Гумилёва этническое поле (ЭП) может включать две составляющие: энергетическую и информационную. В статье предлагается новая концептуальная модель информационной составляющей ЭП, основанная на работах Пьера Бурдьё и Курта Левина. На материалах по оленеводству коренных народов Севера рассмотрены возможности структурирования этнокультурной информации, которую содержит ЭП. Для этого вводится понятие контекста — информационного конструкта, который определяет формы поведения субъекта в этническом поле. Библиогр. 12 назв.

Ключевые слова: этническое поле, культурный ландшафт, межэтнические процессы, северное оленеводство, коренные народы.

K. B. Klokov¹, S. A. Khrustchev¹, A. A. Muzalev¹, K. V. Silaeva²

ETHNIC FIELD IN ETHNO-GEOGRAPHIC STUDIES: NEW APPROACH CONCEPT AND BACKGROUND

¹ Saint-Petersburg State University, 7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

² ITMO University, 49, Kronverkskiy pr., St. Petersburg, 197101, Russian Federation

The notion of ethnic field was suggested by L. N. Gumilyov. The field includes two components: energetic and informational. The first one depicts the amount of passionate (creative) energy (engine analogue), the other shows how people having such energy (steering wheel analogue) to act. The authors present a new concept model (pattern) of the ethnic field informational component, based on Pierre Bourdieu and Kurt Lewin understanding of social and psychological fields.

The ethnic field concept demonstrates interaction between different ethnic groups and between the ethnos and the landscape as the ethnic field creates its own ethno-cultural layer in the landscape. In the framework of the ethnic field the cultural landscape becomes a text, the meaning of which is clear to the ethnic community having created this field, but it can be obscure to other ethnic communities.

This article deals with the method of ethno-cultural information structuring on the materials of northern indigenous peoples' reindeer herding studies. For this purpose we suggest selecting different level contexts similar to the semantic text analysis (one general context may comprise some particular ones). A context is an information construct which defines human behavior stereotypes in the ethnic field. Coming across a problem situation humans think it over in the background of their ethnic field. The ethnic field contextual analysis allows for a better understanding of the causes of tension and conflicts arising in ethno-contact areas. Refs 12.

Keywords: ethnic field, cultural landscape, interethnic interaction, indigenous peoples, reindeer husbandry.

Понятие об этническом поле (далее — ЭП) было сформулировано Л. Н. Гумилёвым. Он считал, что в природе существует этническое поле, подобное известным электромагнитным, гравитационным и другим полям, действие которого проявляется не в индивидуальных реакциях отдельных людей, а в коллективной психологии [1, с. 301]. Впоследствии обсуждению этой идеи была посвящена небольшая статья В. А. Мичурина, где рассматривалось соотношение этнического поля с кон-

цепцией биополя Б. С. Кузина [2], а В. В. Коробицын [3] предложил математическую модель для описания энергетического взаимодействия между этническими полями. В этой статье предлагается новый, структурно-информационный подход к изучению ЭП, разработанный на основе моделей социального поля Пьера Бурдьё [4] и психологического поля Курта Левина [5, 6].

Понятие поля может быть использовано для характеристики как силовых, так и информационных взаимодействий. Предложенные ранее одним из авторов этой статьи два его практически эквивалентных определения: а) как научной абстракции для описания взаимодействия между объектами в каком-либо пространстве и б) как части пространства, где может быть обнаружено и исследовано взаимодействие между изучаемыми объектами [7] — не предоставляют этой возможности, которая хорошо укладывается в предложенную Л. Н. Гумилёвым схему соотношения пассионарно-аттрактивных поведенческих импульсов в этнической системе [1, с. 329]. С ее учетом в составе ЭП можно различать две составляющие. Одна отражает наличие пассионарной энергии, т. е. определяет готовность людей, находящихся в данном ЭП к действию, не определяя направления этих действий. Вторая — информационная — показывает, как будут действовать люди, обладающие такой энергией. Образно говоря, энергетическую составляющую ЭП можно уподобить двигателю, а информационную — рулю [1, с. 330]. Вместе они определяют траекторию изменения этнических систем.

Носителями информации в ЭП могут быть как сами люди с их адаптивными навыками, стереотипами поведения, представлениями, ценностными ориентациями и др., так и созданные ими объекты — имеющие семантическое значение артефакты. Этнокультурную информацию несет каждый созданный человеком предмет, что, в частности, позволяет археологам изучать древние общества по ископаемым артефактам. Создавая артефакты в кормящем/культурном ландшафте¹, этническая общность формирует свою этнокультурную среду. В культурном ландшафте, исторически сформировавшемся на территории, где жили или живут разные этнические общности — носители различных культурных традиций, можно выделить нескольких компонентов или слоев этнокультурной среды [8–10].

Этнокультурный слой — это совокупность однородных антропогенных объектов (артефактов), сформировавшихся в результате взаимодействия этнической общности с культурным ландшафтом в определенных исторических и географических условиях. Формирование этнокультурного слоя связано со смысловыми интерпретациями его объектов в соответствующем ЭП, в контексте которого эти объекты приобретают определенный смысл. Таким образом, в концепции ЭП находят отражение не только взаимодействия между этническими системами, но также — через формирование этнокультурных слоев — между этносом и кормящим ландшафтом. В ЭП культурный ландшафт становится текстом, смысл которого понятен создавшей это поле этнической общности. Вне этого поля ландшафт воспринимается только как природное явление и перестает быть текстом. При этом представители одной этнической общности, пытаясь «прочитать» и интерпретировать объекты «чужого» слоя этнокультурной среды в своих контекстах, нередко не понимают их

¹ Термины «кормящий» (по Л. Н. Гумилёву [1]) и «культурный» (по В. Н. Калущкову [8]) ландшафт» здесь используются как близкие по значению: в первом случае акцент сделан на хозяйственном, а во втором — на культурном освоении жизненного пространства.

смысла, искажают его, а иногда и вообще игнорируют само существование этнокультурного слоя, созданного в рамках другого ЭП [11, 12].

Изложенные представления об ЭП можно сопоставить с разработанной французским социологом Пьером Бурдьё теорией социального пространства и социальных полей. Согласно П. Бурдьё [4, с. 15], социальный мир можно изобразить в форме некоторого многомерного пространства, которое он называет социальным. Социальное пространство состоит из нескольких подпространств, или полей, таких как государство, церковь, политические партии, профсоюзы. Эти поля есть место взаимодействия различных сил, борьба которых ведет к трансформации социальных отношений. Социальное пространство связано с географическим, хотя полностью никогда с ним не совпадает. Многие географические явления — например противопоставление центра и периферии — на самом деле порождаются социальным пространством, так как имеют причиной неравенство в распределении различных видов капитала. П. Бурдьё считал, что представление о социальных полях можно использовать и для изучения этнических групп, занимающих разные позиции в различных полях этнического пространства [там же, с. 46]².

Более интересно сопоставление отмеченных выше свойств ЭП с моделью психологического поля, разработанной Куртом Левином [5, 6]. В обоих случаях в основу положено взаимодействие субъекта с окружающей средой, которая представлена определенной частью географического пространства в первом случае и психологического — во втором. При этом в психологическом поле такой субъект представлен отдельной личностью, а в ЭП — этнической общностью.

В модели психологического поля ближайшее окружение, с которым взаимодействует субъект, носит название «жизненного пространства». В модели ЭП ему соответствует находящаяся в рамках кормящего ландшафта этнокультурная среда. В обоих случаях выделяется ближайшая к субъекту, осмысленная и очеловеченная им область реальности, которая находится с ним в симбиотических отношениях.

И в той и в другой модели поведение субъекта определяется двумя величинами, одна из которых характеризует его потенциальную энергию, а вторая указывает направление, в котором эта энергия может быть использована. Раскрывая механизмы взаимодействия субъекта и поля, К. Левин вводит понятие психологического вектора, а в самом психологическом поле выделяет структурные элементы: «факты» и «регионы», причем каждому факту соответствует свой регион. Если рассматриваются всего два факта — человек и среда — то в жизненном пространстве есть лишь два региона. Если среда содержит несколько фактов, например, факт игры и факт работы, то оно разделяется на пространство игры и пространство работы. Если есть ряд фактов игры, например, факт игры в футбол, факт игры в шахматы, то пространство игры должно быть разделено на столько же субрегионов, сколько есть отдельных фактов.

Аналогичный подход можно использовать для структурирования ЭП. Информационный конструкт, который определяет стереотипы и формы поведения субъекта в ЭП, мы предлагаем называть заимствованным из семантики термином

² Судя по контексту, в котором П. Бурдьё употребляет словосочетание «этническое пространство», он имеет в виду этническое подпространство социального пространства, т. е. фактически речь идёт об этническом поле. Таким образом, в неявном виде он высказывает ту же самую идею, что и Л. Н. Гумилёв.

«контекст». Поведение субъекта, находящегося в том или ином контексте, в основном предсказуемо — оно определяется комплексом стереотипов и правил. К. Левин назвал такой тип поведения «полевым», так как оно возникает под воздействием поля [6]. В отличие от фактов и регионов в модели психологического поля, которые зависят от состояния субъекта в текущий момент, контексты ЭП представляют собой устойчивые, типически повторяющиеся конструируемые. Термин «контекст» подчеркивает информационный (а не психологический как у Курта Левина) аспект изучения ЭП. И при семантическом анализе текстов, и при изучении ЭП можно выделять контексты разных уровней, так как один общий контекст может включать несколько частных. Число контекстов и связанных с ними форм поведения в ЭП весьма велико, однако, изучая конкретную этническую общность, можно фокусировать внимание только на тех контекстах, которые играют роль этнокультурных маркеров.

Рассмотрим изложенный выше подход к структурированию ЭП на конкретных примерах.

В ходе предыдущих исследований были выявлены центральные и периферийные зоны этнических полей нескольких традиционных общностей коренных народов, связанные с северным оленеводством [7]. Границы таких полей в основном совпадают с границами этнокультурных типов оленеводства и ареалами пород домашних оленей. Рассматривая традиционное оленеводство как важный, играющий роль этнокультурного маркера контекст этнических полей ряда коренных северных народов, мы сравнивали особенности его проявления в различных проблемных ситуациях. Собранные материалы позволили провести такое сопоставление для нескольких сообществ оленеводов, находящихся в центральных зонах соответствующих этнических полей. Это пять этнотерриториальных групп охотников-олeneводов в таежной зоне (эвенки в Эвенкийском районе Красноярского края, Олекминском районе Якутии и Бодайбинском районе Иркутской области, тофалары в с. Алыгжер Иркутской области и уильта в с. Вал на Сахалине) и несколько кочевых групп ненцев и коми-ижемцев в канинской и ямальской тундрах (Ненецкий и Ямало-Ненецкий автономные округа).

Контекст традиционного оленеводства охватывает все виды информации, заключенные в практических знаниях оленеводов, включая терминологию, используемые ими практики (традиционные технологии), предметы материальной культуры: орудия труда, хозяйственные постройки, кочевые жилища, снаряжение, одежду и др. Он складывается из нескольких устойчиво повторяющихся частных контекстов. В таежной зоне это — знания и практики индивидуального приручения оленей, ухода за оленятами, доения важенок, вольного и изгородного выпаса, защиты оленей от насекомых, хищников и болезней, обучения оленей ходить под седлом и вьюком и др. Дополнительные контексты связаны с сооружением изгородей и лабазов, изготовлением оленьих седел, шитьем меховой одежды, обустройства кочевого жилища (чума, палатки и др.). По отношению к общему контексту их можно определить как поддерживающие.

Для примера, контекст верховой езды на олене включает умение правильно разметить и закрепить седло и перевозимые вещи, расставить оленей в пределах «связки» в определенном порядке, знание местности и особенностей поведения животных, чтобы быстро найти и отловить ездовых оленей перед поездкой, умение

выбрать маршрут, время и темп передвижения, навыки по изготовлению снаряжения и др. В контекст защиты оленей от насекомых входят локальные экологические знания о том, когда и в каких местах наиболее вероятен сильный лёт комара, мошки или овода, адекватные местным условиям способы устройства дымокура (какое взять топливо, чтобы огонь горел долго и давал много дыма, как оградить костер от оленей и др.), а в некоторых районах — сооружения для оленей специальных сараев (якутские «хотоны»).

В тундровом оленеводстве набор контекстов несколько иной, это — знания и практические навыки управления большими стадами оленей, кочевок на большие расстояния, использования пастушеской собаки (у ненцев), тактики выпаса стад в условиях гололеда и др.

Важная роль в контекстах принадлежит понятиям и терминам, отражающим опыт природопользования в данном ландшафте. Так, в Тофаларии (с. Алыгжер), маркером нахождения человека в контексте оленеводства является небольшое число тофаларских терминов: чара — взрослый ездовой олень, инген — самка оленя, анайчик — олененок, тыевук — посох для езды на олене, чатыр — загон для оленей и др. Они понятны и активно используются тофаларами в контексте бесед об оленеводстве, хотя остальные слова родного языка ими практически не употребляются.

В Суринде, где на родном эвенкийском языке постоянно говорят только оленеводы, этот язык можно считать одним из маркеров контекста традиционного оленеводства. Однако в Якутии и на севере Иркутской области языковой маркер отсутствует — там эвенки-олeneводы говорят по-якутски.

Другая важная часть контекста — артефакты. В некоторых случаях от их наличия зависит устойчивость всего контекста. Так, в Тофаларии, уже давно перестали делать новые седла для оленей и пользуются только старыми, что уже ограничивает возможность увеличения числа ездовых оленей, а значит и расширения данного контекста. Другой пример — рассказ пожилой ненки из поселка Сюнай-Сале о том, как ее отец в 1980-е годы пытался восстановить традицию езды на собаках, утраченную в конце 1960-х годов. Он достал из кладовки старую собачью упряжь и начал приучать к нарте одну из своих собак (дворовые собаки в Сюнай-Сале — потомки ездовых). Однако после нескольких поездок «упряжь порвалась, и он оставил это занятие». Поддерживающий контекст изготовления собачьей упряжи был к тому времени уже утерян, что и заблокировало попытку возрождения традиции.

Возрождение любой сложной традиции становится маловероятным после утраты большей части поддерживающих ее контекстов. Так, известны всего несколько случаев возрождения оленеводства, там, где оно было утеряно: наиболее известный — село Хатырка на юго-востоке Чукотки.

Можно отметить, что «стирание» контекста ЭП, где хранится коллективный опыт этой формы традиционного природопользования, происходит в несколько этапов. На первом этапе происходит дезобъективация контекста, т. е. традиционные знания еще сохраняются, но практики исчезают. На следующем этапе контекст стирается из памяти этноса и сохраняется лишь в артефактах. Пока ментальная составляющая контекста еще жива — он может быть восстановлен.

В настоящее время все ареалы коренных северных этносов представлены этноконтактными зонами, так как на их этнические поля накладывается ЭП доминирующего общества. Поведение человека, находящегося в том или ином ЭП, обу-

словлено информацией, накопленной в контекстах этого поля. Каждый контекст опирается на коллективный опыт, на основе которого вырабатываются практики и формируются стереотипы поведения. Столкнувшись с проблемной ситуацией, человек действует на основе одного из контекстов, в рамках которого он осмысливает проблему, и выбирает ту или иную стратегию. Его мотивации связаны с ценностными ориентациями данного этнического поля, а стратегия складывается из имеющихся в нем стереотипов. В рамках контекста другого ЭП интерпретация проблемной ситуации и выбор стратегии оказываются иными. Таким образом, контекстный анализ позволяет выявить и понять причины напряженности, которая возникает в этноконтактных зонах.

Приведем пример, из обсуждения будущего традиционного оленеводства уильта на Сахалине. Оленеводство здесь находится в критическом положении из-за сокращения поголовья оленей (осенью 2014 г. осталось всего 146 голов) и отсутствия пополнения кадров оленеводов. Уильта, находясь в рамках контекста традиционного оленеводства, видят решение проблемы в улучшении структуры стада, ухода за оленями и организации труда оленеводов. Представители местной администрации и региональных властей видят его в регистрации оленеводческих хозяйств как сельскохозяйственных товаропроизводителей с образованием юридического лица или как предпринимателей без образования юридического лица с последующей регистрацией прав землепользования. В «административном» контексте эта позиция отражает их стремление поддержать оленеводство. В традиционных контекстах ЭП уильта и эвенков она, напротив, воспринимается как барьер, препятствующий продолжению их традиционного природопользования. Представители администрации удивляются, почему оленеводы не регистрируют свои хозяйства, а оленеводы не понимают, почему они должны этим заниматься вместо того, чтобы прилагать силы к сохранению оставшихся оленей. В терминах К. Левина [6] позиции обеих сторон представляют пример «полевого» поведения участников диалога, а решение вопроса может быть найдено путем перехода к «волевому» поведению, т. е. выхода участников за рамки навязанных полем стереотипов.

В некоторых этнохозяйственных ареалах (Суринда, Олекминский улус) аналогичная в целом проблема находит свое частичное решение в создании посреднического (буферного) пространства — т. е. за счет выделения из числа эвенкийского населения группы, одновременно находящейся в контекстах и ЭП эвенков, и ЭП доминирующего общества.

В этноконтактных зонах контексты различных этнических полей могут пересекаться, взаимно дополняя друг друга, или же, напротив, способствуя возникновению конфликтов. Реже происходит формирование новых контекстов. Так, в советское время сформировался контекст «совхозного оленеводства», в котором находились главным образом оленеводы, получившие среднее специальное или высшее образование, составлявшие основную часть управленческого аппарата этой отрасли. В рамках этого контекста была создана основная часть производственной инфраструктуры (базы, корали, забойные пункты и др.), подготовлены различного рода инструкции, методические и учебные материалы, научно-практические руководства. Этот контекст значительно отличался от контекстов собственно традиционного этнического оленеводства, так как содержал много новаций (ветеринарная и зоотехническая работа, нормирование труда и др.), занявших место традицион-

ных знаний. Сформировался он на основе ненецко-ижемского оленеводства, поэтому многие ненецкие термины, такие как «хор» (самец оленя), «важенка» (самка) и др., распространились по всему Северу, нередко вытеснив местные названия. К настоящему времени он в значительной мере утратил свои позиции, распавшись на несколько отдельных, мало связанных друг с другом контекстов.

Образование нового контекста происходит вместе с появлением новой практики или традиции. Это может произойти двумя способами: во-первых, путем модернизации традиционной основы, например, за счет новых элементов и материалов (например, использование в оленьей упряжи пластмассовых деталей, вместо деталей из оленьего рога). Во-вторых, путем заимствования технологий и практик из другого ЭП и их адаптации к местным условиям. Примером таких адаптаций могут быть различные способы выпечки хлеба на оленьих стойбищах: например, в зарытой в землю половинке железной бочки. Другой пример — сборно-разборная каркасная палатка, придуманная оленеводами полуострова Канин (коми-ижемцами и ненцами) несколько десятков лет назад и заменившая здесь традиционный чум. Такое изменение конструкции кочевого жилища было не просто технической новацией, оно повлекло за собой значительные перемены в образе жизни этнотерриториальной группы. В отличие от ненецкого чума коми-ижемцев больше и его внутреннее пространство делится на две части, каждую из которых занимает отдельная семья. В канинской палатке, которая имеет форму вытянутого прямоугольника, такое разделение внутреннего пространства невозможно. Соответственно каждая семья коми-ижемцев Канинской тундры теперь живет в отдельном жилище, так же как это принято у кочевых ненцев. В результате этнических различий в образе жизни внутри кочевой группы не стало. Кроме этого, в палатке, в отличие от чума, есть окно, в ней можно установить мебель, например, высокий стол со стульями. Это существенно приблизило условия кочевой жизни оленеводов к условиям жизни в поселке и дало основания рассматривать замену чума разборной палаткой как формирование нового контекста.

Изложенный подход дает возможность по-новому оценить современные изменения, происходящие в этнических системах коренных народов Севера. Он позволяет лучше понять, почему одинаковые социально-экономические преобразования часто приводят к различным последствиям в жизни северных народов, населяющих соседние территории со сходными природными условиями. Сравнивая однотипные контексты разных этнических полей, можно проследить, как работают механизмы взаимодействия таких полей. В частности, это позволит дать более детальное описание выделенных Л. Н. Гумилёвым [1, с. 138] типов отношений между этносами, которые возникают в этноконтактных зонах, и таким образом сформировать новый подход к исследованиям межэтнических отношений.

Литература

1. Гумилёв Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. 3-е изд. Л.: Гидрометеиздат, 1990. 526 с.
2. Мичурин В. А. Биополе и этническое поле // Теория этногенеза и будущее России. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2008. С. 107–109.
3. Коробицын В. В. Математическая модель этнических полей. Учение Л. Н. Гумилёва и современность. СПб.: НИИ химии СПбГУ, 2002. С. 184–212.
4. Бурдье П. Социология социального пространства / пер. с франц. М.: Институт экспериментальной социологии. СПб.: Алетейя, 2007. 288 с.

5. Левин К. Теория поля в социальных науках. СПб.: Речь, 2000. 368 с.
6. Теория поля Курта Левина // Холл К. С., Линдсей Г. Теория личности / пер. с англ. М.: «КСП+», 1997. С. 338–390.
7. Клоков К. Б. Взаимодействие этнических полей в географическом пространстве российского Севера: к развитию идей Л. Н. Гумилёва об этническом поле // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 7. Геология. География. 2012. Специальный выпуск. С. 40–50.
8. Калуцков В. Н. Ландшафтная концепция в культурной географии: дис. ... д-ра геогр. наук. М., 2009. 295 с.
9. Культурная география / ред. Ю. А. Веденин, Р. Ф. Туровский. М.: Российский НИИ культурного и природного наследия, 2001. 192 с.
10. Культурный ландшафт как объект наследия / ред. Ю. А. Веденин, М. Е. Кулешова. СПб.: Институт наследия, 2004. 620 с.
11. Клоков К. Б., Хрущев С. А., Бочарникова А. В. Этноэкологическая экспертиза воздействия индустриального освоения на традиционное природопользование коренного населения Севера: теоретические и методологические подходы // Известия Русского географического общества. 2012. № 3. С. 38–44.
12. Клоков К. Б., Хрущев С. А. Теоретическое обоснование этноэкологической экспертизы для оценки воздействия индустриального освоения на традиционное природопользование коренного населения Севера // Региональные исследования. 2014. № 1. С. 98–108.

Для цитирования: Клоков К. Б., Хрущев С. А., Музалев А. А., Силаева К. В. Этническое поле в этногеографических исследованиях: концептуализация и обоснование нового подхода // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 7. Геология. География. 2016. Вып. 2. С. 76–84. DOI: 10.21638/11701/spbu07.2016.207

References

1. Gumilev L. N. *Etnogenez i biosfera Zemli [Ethnogenesis and biosphere of the Earth]*. 3d ed. Leningrad, Gidrometeoizdat, 1990. 526 p. (In Russian)
2. Michurin V. A. [Biofield and ethnic field]. *Teoriia etnogeneza i budushchee Rossii [The theory of ethnogenesis and the future of Russia]*. St. Petersburg, St.-Petersburg Univ. Press, 2008, pp. 107–109. (In Russian)
3. Korobitsyn V. V. *Matematicheskaja model' etnicheskikh polei. Uchenie L. N. Gumileva i sovremennost' [Mathematical model of ethnic fields. Teachings of LN Gumilyov and modernity]*. St. Petersburg, St.-Petersburg Univ. Press, 2002, pp. 184–212. (In Russian)
4. Burdè P. *Sotsiologija sotsial'nogo prostranstva [Sociology of social space]*. Transl. from french. Moscow, Institut eksperimental'noi sotsiologii Publ., St. Petersburg, Aleteiia Publ., 2007. 288 p.
5. Levin K. *Teoriia polia v sotsial'nykh naukakh [Field theory in social sciences]*. St. Petersburg, Rech' Publ., 2000. 368 p. (In Russian)
6. [Field theory of Kurt Lewin]. *Kelvin S. Khol, Gardner Lindsei. Teoriia lichnosti [Personality theory]*. Transl. from engl. Moscow, KSP+ Publ., 1997, pp. 338–390.
7. Klokov K. B. Vzaimodeistvie etnicheskikh polei v geograficheskom prostranstve rossiiskogo Severa: k razvitiu idei L. N. Gumileva ob etnicheskom pole [The interaction of ethnic fields in the geographical space of the Russian North: the development of the ideas of LN Gumilyov on the ethnic field]. *Vestnik of Saint-Petersburg University. Series 7. Geology. Geography*, 2012, special issue, pp. 40–50. (In Russian)
8. Kalutskov V. N. *Landshaftnaia kontseptsiiia v kul'turnoi geografii*. Dokt. Diss. [Landscape concept in cultural geography]. Moscow, 2009. 295 p. (In Russian)
9. *Kul'turnaia geografiia [Cultural geography]*. Eds Iu. A. Vedenin, R. F. Turovskii. Moscow, Rossiiskii NII kul'turnogo i prirodnogo naslediiia Publ., 2001. 192 p. (In Russian)
10. *Kul'turnyi landshaft kak ob'ekt naslediiia [The cultural landscape as an object of heritage]*. Eds Iu. A. Vedenin, M. E. Kuleshova. St. Petersburg, Institut naslediiia Publ., 2004. 620 p. (In Russian)
11. Klokov K. B., Khrushchev S. A., Bocharnikova A. V. Etnoekologicheskaja ekspertiza vozdeistviia industrial'nogo osvoeniia na traditsionnoe prirodopol'zovanie korenного naseleniia Severa: teoreticheskie i metodologicheskie podkhody [Ethnoecological examination of the impact of industrial development on the traditional land of the indigenous population of the North: the theoretical and methodological approaches]. *Izvestiia Russkogo geograficheskogo obshchestva [Proceedings of the Russian Geographical Society]*, 2012, no. 3, pp. 38–44. (In Russian)
12. Klokov K. B., Khrushchev S. A. Teoreticheskoe obosnovanie etnoekologicheskoi ekspertizy dlia otsenki vozdeistviia industrial'nogo osvoeniia na traditsionnoe prirodopol'zovanie korenного naseleniia

Severa [The theoretical justification for examination Ethnoecological assessing the impact of industrial development on the traditional land of the indigenous the population of the North]. *Regional'nye issledovaniia* [Regional studies], 2014, no. 1, pp. 98–108. (In Russian)

For citation: Klokov K. B., Khrustchev S. A., Silaeva K. V. Ethnic field in ethno-geographic studies: new approach concept and background. *Vestnik of Saint-Petersburg University. Series 7. Geology. Geography*, 2016, issue 2, pp. 76–84. DOI: 10.21638/11701/spbu07.2016.207

Статья поступила в редакцию 25 марта 2016 г.

Контактная информация

Клоков Константин Борисович — доктор географических наук, профессор;
k.b.klokov@gmail.com

Хрущев Сергей Андреевич — кандидат географических наук, доцент; shr60@mail.ru

Музалев Антон Александрович — главный специалист; a.muzalev@priem.pu.ru

Силаева Кира Валерьевна — аспирант; s_kira_v@mail.ru

Klokov Konstantin B. — Doctor in Geography, Professor; k.b.klokov@gmail.com

Khrushev Sergei A. — PhD, Associate Professor; shr60@mail.ru

Muzalev Anton A. — senior specialist; a.muzalev@priem.pu.ru

Silaeva Kira V. — post graduate student; s_kira_v@mail.ru